

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-2-241-256
EDN: JMFEEC

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Полянская Е.В.

Дальневосточный научный центр физиологии и патологии дыхания
(675000, Россия, Благовещенск, ул. Калинина, 22)

E-mail: polanska2011@yandex.ru

Для цитирования:

Полянская Е.В. Демографическое развитие Амурской области: проблемы и перспективы // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 2. — С. 241-256. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-2-241-256; EDN: JMFEEC

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции демографического развития в Амурской области за 20-летний период (2004–2024 гг.). Несмотря на экономический рост, не происходит снижения неравенства и бедности, что вносит вклад в депопуляцию. Выявлена смена доминирующих факторов сокращения населения: если в 2007–2018 гг. ключевым фактором была миграционная убыль, то с 2019 г. преобладающее значение приобрела естественная убыль. Анализ трансформации структуры населения по возрасту выявил ситуацию с сокращением трудового потенциала и ростом демографической нагрузки пожилыми возрастными группами, что связано, в том числе с ростом смертности трудоспособного населения. Численность сельского населения убывает более быстрыми темпами, чем численность городского населения, что связано с более высокой смертностью в сельской местности по всем ведущим причинам. Процессы старения нарастают в городской и сельской местности, при этом глубина старения в сельской местности больше, чем в городской. Показано, что на снижение рождаемости оказывает негативное влияние сокращение женщин в наиболее репродуктивных возрастах. В то же время, сельское население оказалось более отзывчивым на введение мер поддержки для стимулирования рождаемости, о чём свидетельствует более высокий суммарный коэффициент рождаемости. Традиционно в сельской местности рождаемость была более интенсивной, чем в городской, но в настоящее время эти различия снижаются. Полученные результаты подчёркивают важность учёта региональных особенностей при реализации демографической политики, необходимость межведомственного взаимодействия для обеспечения демографического развития регионов России.

Ключевые слова: рождаемость, смертность, демографическая нагрузка, суммарный коэффициент рождаемости, Дальний Восток, естественная убыль, миграционная убыль.

Введение

Проблемы демографического развития Дальневосточного федерального округа (ДФО) находятся в приоритете государственной политики более 20 лет, о чем свидетельствует большое количество государственных программ и постановлений, направленных на преодоление отрицательных демографических трендов в макрорегионе. В 2024 г. закончился срок действия ключевых национальных проектов — «Здравоохранение» и «Демография», которые не привели к улучшению демографической ситуации в стране [1; 2]. Среди многообразных причин был и недоучёт региональных особенностей, которые значительным образом влияют на эффективность реализации мер государственной политики [3; 4].

В отечественных работах регионы ДФО часто являются объектами исследований, в которых подчёркивается, что основной демографической проблемой регионов, за исключением Республики Саха (Якутия), выступает депопуляция, вызванная сочетанием низкой рождаемости, высокой смертности и миграционного оттока [5–8]. В числе причин сложной демографической ситуации в макрорегионе — диспропорции территориальных и демографических характеристик, низкий уровень и качество жизни, интенсивный многолетний миграционный отток, преимущественно населения трудоспособных и детских возрастов, суровые климатические условия [9–13].

В научных публикациях прослеживаются сочетание двух основных подходов к решению демографических проблем ДФО: социально-экономический и миграционный. По мнению многих учёных, миграционный отток — следствие неудовлетворённости базовыми условиями жизни, а миграционная политика не способна переломить тренд без комплексных изменений в экономике и социальной сфере. Так, Е.Л. Мотрич отмечает, что, поскольку главной причиной сокращения численности населения выступает миграционный отток, основным источником прироста населения должно быть создание благоприятных условий

для закрепления населения и мигрантов, формирование позитивной мотивации для привлечения новых жителей, а также обеспечение дальневосточных жителей социальными стандартами не ниже «среднероссийских» [14].

В исследовании Ю.А. Авдеева и В.Л. Ушаковой проводится критический анализ существующей демографической политики на Дальнем Востоке. Авторы отмечают, что ставка на стимулирование рождаемости и снижение смертности не может привести к желаемому результату из-за деформации возрастной структуры населения, вызванной массовым оттоком в 1990-е годы. Учёные подчёркивают, что существующая ресурсно-экспортная модель экономики способствует оттоку населения, поэтому необходим переход к новой индустриализации и развитию отраслей, ориентированных на долгосрочные приоритеты социально-экономического развития региона [15]. По мнению Л.Л. Рыбаковского, в числе комплекса мер, призванных выравнивать демографическую динамику, относятся борьба со смертностью от внешних причин, развитие социальной, улучшение транспортной доступности [16]. Несмотря на общность многих демографических проблем в регионах Дальнего Востока, глубина их проявления, долгосрочность и наличие ресурсов для преодоления негативных тенденций существенно различаются [17; 18].

В соответствии с «Национальной программой социально-экономического развития Амурской области на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г.», утверждённой Постановлением Правительством Амурской области № 381 от 24 апреля 2023 г., к ключевым конкурентным преимуществам региона являются близость к КНР, значительные запасы минерально-сырьевых и лесных ресурсов. Тем не менее, регион характеризуется ежегодной убылью населения. Вместе с тем, научных работ по особенностям демографических процессов в Амурской области мало. Цель данной статьи заключается в комплексном анализе демографического развития Амурской области за период 2004–2024 гг. с акцентом на ключевые тен-

денции, проблемы и перспективы. Информационной базой исследования послужили официальные данные Росстата. Для оценки процесса демографического старения населения анализировались коэффициенты демографической нагрузки, средний возраст, а также рассчитывался индекс глубины старения населения (доля населения в возрасте 75–89 лет) в общем числе населения старше трудоспособного возраста) для городского и сельского населения, который широко используется исследователями [19–22].

Результаты исследования

Общие итоги динамики населения и определяющих её компонентов. Амурская область занимает 60-е место по общей численности населения среди субъектов РФ и 13-е — по общей площади. Численность населения области на 1 января 2024 г. составляла 750,83 тыс. человек. В регионе продолжается ежегодное сокращение численности населения, начавшееся в 1990 году. За период с 2004 г. численность населения Амурской области, сократилась на 123,9 тыс. человек, или на 14,2%.

В большей степени уменьшается сельское население (на 19,4%) нежели городское (на 11,6%). Вместе с тем, доля сельского населения в области все ещё остаётся выше среднероссийской, составляя, по данным 2024 г., 31,5%.

С 2004 по 2024 гг. скорость сокращения численности городского населения в целом снижалась, в то время как сельского — росла. Однако, за последние три года (2022–2024 г.) наблюдается сокращение темпов убыли как городского, так и сельского населения. Максимальные темпы убыли населения были зафиксированы в 2011 г., когда сельское население уменьшилось на 3%, а городское на 1% по сравнению с 2010 годом. Это было связано с результатами Всероссийской переписи населения 2010 г., которые выявили, что миграция из региона в этот период по данным текущего учёта была сильно недооценена. В Амурской области процесс сокращения населения связан как с естественной убылью, так и с миграционным оттоком населения. Однако вклад их в убыль населения на протяжении рассматриваемого 20-летия значительно различается (рис. 1).

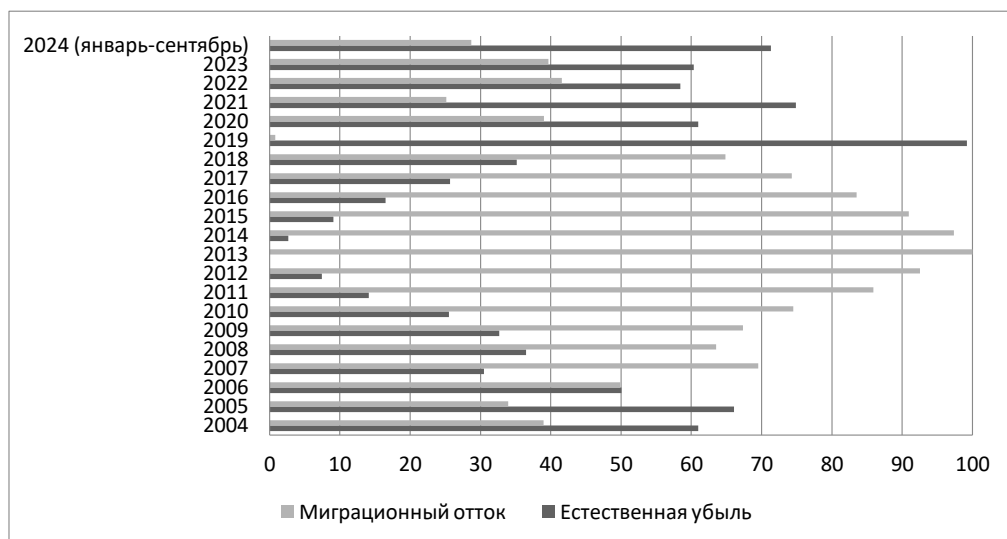

Рис. 1. Компоненты естественного движения населения, 2004–2024 гг., %

Fig. 1. Components of natural population movement, 2004–2024, %

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Таблица 1

**Динамика компонент естественного движения городского и
Сельского населения Амурской области, 2005-2023 гг., ‰**

Table 1

Dynamics of mortality of urban and rural population in Amur region, 2005-2023, ‰

Год	Городское население			Сельское население			Всего		
	ОКС	ОКР	КЕП	ОКС	ОКР	КЕП	ОКС	ОКР	КЕП
2005	16,5	12	-4,5	18,6	10,9	-7,7	17,2	12,3	-4,9
2010	14,4	13	-1,4	17,2	12,9	-4,3	15,3	13,8	-1,5
2011	14	12,9	-1,1	16,4	15,4	-1	14,8	13,6	-1,2
2012	14	13,7	-0,3	16,2	15,1	-1,1	14,8	14,4	-0,4
2013	13,2	13,2	0	15,3	15,6	0,3	13,9	14,1	0,2
2014	13,4	12,7	-0,7	14,9	15,9	1	13,9	13,7	-0,2
2015	13,3	13,4	0,1	15,1	15,7	0,6	13,9	13,4	-0,5
2016	13,4	13,1	-0,3	14,7	13,4	-1,3	13,8	13	-0,8
2017	12,9	12,2	-0,7	14,5	12,6	-1,9	13,4	11,9	-1,5
2018	13	11,4	-1,6	14,5	11,3	-3,2	13,5	11,2	-2,3
2019	13,6	10,2	-3,4	15,2	10,7	-4,5	14,2	10,1	-4,1
2020	16	10,4	-5,6	17,1	9,9	-7,2	16,3	10	-6,3
2021	17,9	9,7	-8,2	20,3	9,3	-11	18,7	9,6	-9,1
2022	14,2	9,1	-5,1	16,2	9,5	-6,7	14,8	9,1	-5,7
2023	13,5	9,2	-4,3	15,4	9,1	-6,3	14,1	9,2	-4,9

Примечания: ОКС – общий коэффициент смертности; ОКР – общий коэффициент рождаемости; КЕП – коэффициент естественного прироста (убыли).

Источник: рассчитано по данным Росстата.

С 2004 по 2006 гг. сокращение населения было обусловлено, в первую очередь, естественной убылью. В этот период доля естественной убыли в общей убыли населения колебалась в диапазоне от 50,1% до 66,1%. После 2007 г. и до 2018 г. главным источником сокращения численности населения выступала миграционная убыль, доля которой составляла от 69,5% в 2007 г. до 64,9% в 2018 году. В 2014 г. по данным социологического опроса, 39,3% респондентов планировали покинуть Амурскую область. Среди основных факторов, которые мотивировали на отъезд, неизменными остаются плохая экология (43,7%), неудовлетворённость условиями работы (26,6%), низкое качество жизни (17,1%)¹.

¹ Агаркова О.А., Войт Л.Н. Отношение населения к миграционным процессам, касающимся Амурской области // Бюллетень физиологии и патологии дыхания. – 2014. – № 51. – С. 75–78.

Распространение коронавирусной инфекции COVID-19 с 2020 г. привело к росту естественной убыли в регионе. Но, уже начиная с 2022 г. ситуация начала меняться в лучшую сторону. И в 2023 г. показатель естественной убыли составил –4,9‰, что приблизилось к допандемийному уровню (–4,1‰ в 2019 г.) В настоящее время, естественная убыль остаётся на высоком уровне (–5,3‰ за январь-ноябрь 2024 г.), что гораздо выше среднего уровня по ДФО (–3,1‰). На этом фоне роль миграционного фактора сокращается.

Естественное движение населения в городской и сельской местности Амурской области имеет специфику. Естественная убыль населения в сельской местности носит более интенсивный характер на протяжении всего рассматриваемого периода.

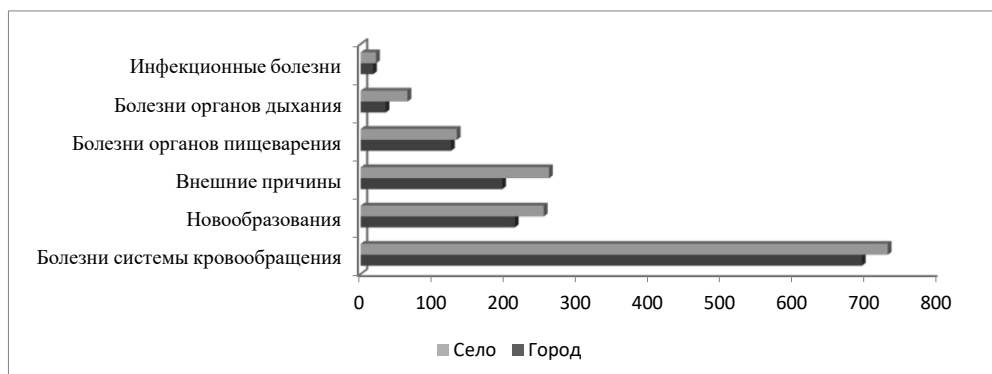

Рис. 2. Смертность городского и сельского населения в Амурской области от некоторых причин, 2024 г., на 1000 населения

Fig. 2. Mortality of urban and rural population in the Amur Region from certain causes, 2024, per 1,000 population

Источник: рассчитано по данным Амурстата.

да (табл. 1). Её источником является, прежде всего, более высокая общая смертность сельского населения (рис. 2). Тем не менее, значение общих коэффициентов смертности снижается за 2005–2023 гг. примерно с одинаковой интенсивностью на 17–18% в городе и селе. Общие коэффициенты рождаемости на протяжении большей части рассматриваемого периода, помимо 2011–2015 гг., были близки в городском и сельском населении и не компенсировали для сельского населения повышенных потерь из-за смертности.

По всем ведущим классам причин смерти показатели смертности сельского населения превышают аналогичные показатели для городских жителей. Болезни системы кровообращения остаются доминирующей причиной смерти как в городской, так и в сельской местности, при этом уровень смертности сельского населения незначительно превышает городской; по классу новообразований также фиксируется умеренное превышение сельских показателей над городскими. Наиболее выраженная диспропорция зафиксирована по болезням органов дыхания: уровень смертности сельского населения превышает городской на 87,7%, что свидетельствует о дефиците доступности специализированной пульмонологиче-

ской помощи в сельских территориях и согласуется с результатами ранее проведённых исследований [23]. Значительный внутрирегиональный разрыв выявлен и в уровне смертности от внешних причин: превышение показателя смертности сельских жителей над городскими составило 33,1%. Данные тенденции коррелируют с общерегиональными закономерностями на Дальнем Востоке².

Возрастная структура населения и глубина демографического старения. Неблагоприятные тенденции сокращения численности населения существенно влияют на структуру половозрастной пирамиды (рис. 3).

Согласно классификации Г.Сундберга, тип возрастной структуры населения в регионе можно классифицировать как старое, убывающее население. В половозрастной пирамиде населения региона на начало 2024 г. обращает на себя внимание выраженная диспропорция женского и мужского населения. В возрастных группах до 29 лет в Амурской области отмечается превышение численности мужского населения над женским: на 1000 мужчин в возрасте до 4 лет приходится 949 женщин, 5–9 лет —

² Щербакова Е.М. Воспроизводство городского и сельского населения России // Демоскоп Weekly. – 2025. – № 1095–1096.

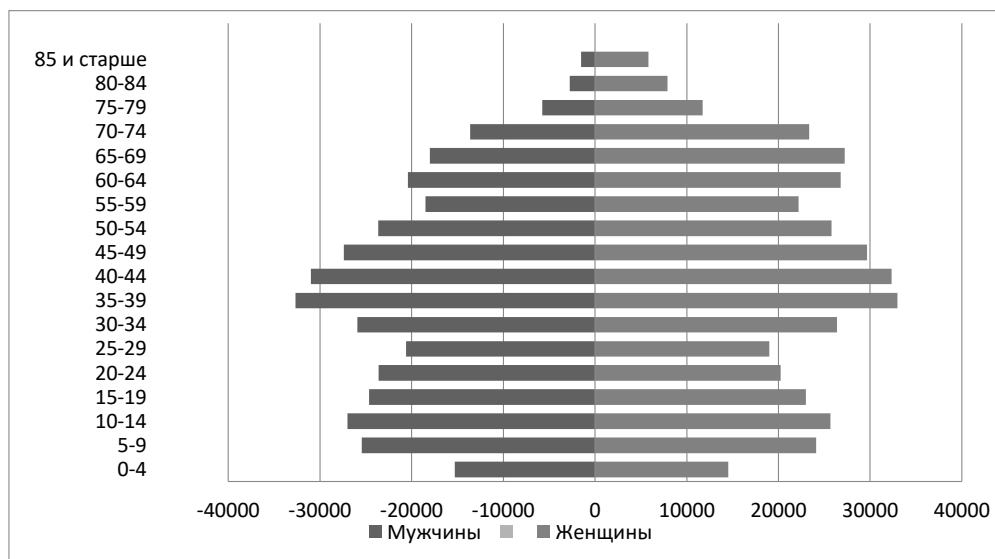

Рис. 3. Половозрастная пирамида, Амурская область в 2024 году

Fig. 3. Age and sex pyramid, Amur region in 2024

Источник: рассчитано по данным Росстата.

948, 10–14 лет–951, 15–19 лет — 932, 20–24–858, 24–29–922 женщины. В группах старше 45 лет превалирует численность женского населения над мужским: на 1000 мужчин в возрастной группе 45–49 лет приходится 1083 женщины, 50–54 года — 1092, 55–59 лет — 1201, 60–64 года — 1313. Начиная с 65 лет разница составляет более 1,5 раза (65–69 лет — 1512; 70–74 года — 1711), с 75 лет — 2 раза и выше (75–79 лет — 2043; 80–84 года — 2867). Максимальный разрыв в соотношении мужского и женского населения отмечается в возрастной категории 85 лет и старше (3798 женщины на 1000 мужчин), что связано с большей продолжительностью жизни среди женского населения. Быстрые изменения происходят в структуре населения старше трудоспособного возраста, на что указывает рост индекса глубины старения, который наиболее выражен в сельских населённых пунктах, а также увеличение среднего возраста населения (табл. 2). Это свидетельствует о превалировании проживания наиболее пожилых жителей Амурской области в сельских пунктах.

Многолетний период сокращения городского и сельского населения, низкой рождаемости и роста продолжительности жизни, преимущественно в женской популяции привели к деформации демографической структуры населения. Период с 2004–2007 гг. был наиболее благоприятным для региона с точки зрения получения «демографического дивиденда», который выразался в наиболее низкой демографической нагрузке на население рабочих возрастов. Начиная с 2007 г. в регионе превалирует демографическая нагрузка со стороны пожилых, нежели детей: коэффициент демографической нагрузки пожилыми вырос на 35,6%, коэффициент демографической нагрузки младшими возрастами на 14%. Увеличение нагрузки также связано с сокращением численности трудоспособного населения, которая сократилась на 121 тыс. человек или на 21,3%.

Процессы воспроизводства и смертности населения. Демографический прогноз. В целом, в регионе отмечается рост продолжительности жизни (рис. 4). Традиционно, продолжительность жизни (ОПЖ)

Таблица 2

**Характеристика возрастной структуры населения Амурской области,
2004 и 2024 гг. (на 1 января соответствующего года)**

Table 2

Characteristics of the age structure of the Amur Region population,
2004 and 2024 (as of January 1 of the corresponding year)

Год	Место проживания	Средний возраст, лет	Индекс глубины старения, всего	Доля женщин в возрастах (лет), %			
				20-24	25-29	30-34	35-39
2004	всего	33,19	2,70	8,31	7,86	7,05	6,15
	город	32,95	2,93	8,90	8,20	7,24	6,12
	село	33,61	2,30	7,01	7,00	6,64	6,22
2024	всего	39,03	5,4	5,13	4,75	6,63	8,25
	город	38,79	5,31	5,39	4,98	7,04	8,66
	село	39,54	5,70	4,57	4,23	5,71	7,35

Источники: рассчитано по данным Росстата, данным Demoscope Weekly.

женщин больше, чем у мужчин (в 2023 г. — на 12,44 года). Для региона характерна незначительная конвергенция в показателях ОПЖ между мужчинами и женщинами, за счёт роста ОПЖ как у женщин (на 7,13 лет), так и у мужчин (на 8,09 лет) за последние 20 лет. С 2022 г. по настоящее время, продолжается процесс восстановительного роста продолжительности жизни

ни после критического снижения в пандемийный период. В 2023 г. показатель ожидаемой продолжительности жизни населения Амурской области вырос незначительно (на 0,05 лет), исключительно за счёт вклада женского населения, поскольку ожидаемая продолжительность жизни у мужчин сократилась на 0,3 года по сравнению с 2022 годом.

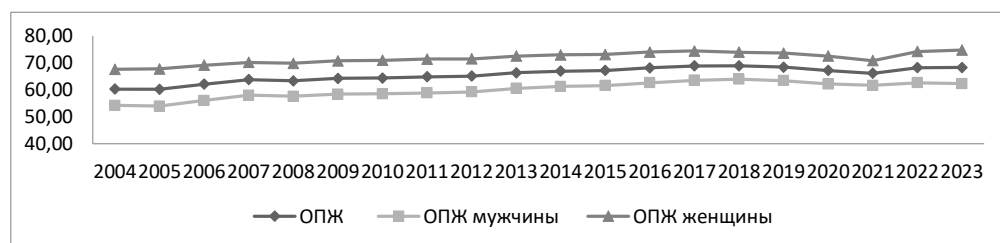

Рис. 4. Изменение показателя ОПЖ в Амурской области, 2004–2023 гг. (лет)

Fig. 4. Change in life expectancy at birth in the Amur Region, 2004–2023 (years)

Источник: составлено по данным Росстата.

С 2018 по 2023 гг. уровень смертности в детских и старших возрастах в целом снижался в Амурской области, что способствовало росту ожидаемой продолжительности жизни (табл. 3). Однако, с 2021 г. регион характеризуется незначительным ростом смертности детского населения, что требует незамедлительного внимания со стороны системы здравоохранения. Смертность населения трудоспособного возраста, кото-

рая являлась ключевым показателем Национального проекта «Здравоохранение», также имеет тенденцию к росту за анализируемый период.

Важно отметить, что на Дальнем Востоке тенденция роста смертности детского населения с 2021 г. характерна исключительно для Амурской области (табл. 4). В большинстве субъектов Дальнего Востока зафиксировано существенное сниже-

ние уровня смертности детей 0–17 лет как в долгосрочном горизонте (2018–2023 гг.), так и в постпандемийный период 2021–

2023 гг., что позволяет говорить о закреплении тренда снижения смертности детского населения.

Таблица 3

Динамика смертности в основных возрастах в Амурской области (на 100 тыс. человек)

Table 3

Mortality dynamics in the main ages in the Amur region (per 100,000 population)

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Темп убыли/ роста
Смертность детей 0-17 лет	62,3	57,5	54	43,8	45,5	48,6	-21,99
Смертность населения трудоспособного возраста	659,6	687,1	743,5	765,5	692,4	752,4	14,07
Смертность населения старше трудоспо- собного возраста (женщины 55 лет и стар- ше, мужчины 60 лет и старше)	4186,4	4360,5	5122	6056,3	4587,6	4107,8	-1,88

Источник: сформировано на основе данных Амурстата

Таблица 4

Динамика смертности детского населения на 100 тыс. человек

Table 4

Dynamics of child mortality per 100,000 population

Регионы Дальнего Востока	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Республика Бурятия	61,9	61,5	54,9	54,2	44,8	49,3
Забайкальский край	76,2	66,1	58,6	68,2	58,8	65,6
Республика Саха (Якутия)	59,9	53,8	54,9	46,9	47	37,5
Камчатский край	56,6	85,6	65,7	49	54,1	43,1
Приморский край	56,2	60	55,9	54,6	61	49,1
Хабаровский край	62,7	56,1	49	53,2	52	38,1
Амурская область	62,3	57,5	54	43,8	45,5	48,6
Магаданская область	60,4	47,4	37,7	45,2	46,8	40,2
Сахалинская область	40	44,3	44,9	41,2	46,9	33,8
Еврейская автономная область	96,8	105,8	71,2	94,7	42	61,1
Чукотский автономный округ	126,2	86,9	103,9	137,8	151,2	126,4

Источник: сформировано на основе данных ЕМИСС <https://www.fedstat.ru/indicator/43894>

Снижению рождаемости в Амурской области способствует сокращение женского населения в активном репродуктивном возрасте. В настоящее время из активных репродуктивных возрастов выходят наиболее многочисленные поколения женщин, рождённых в 1980-е годы. На смену приходят малочисленные поколения, родившиеся в девяностых годах и начале двухтысячных. На сокращение рождаемости оказывает негативное влияние и возрастная струк-

тура женщин в наиболее репродуктивном возрасте, которая имеет различия между городским и сельским населением. Репродуктивный потенциал сельского населения уступает городскому. В 2004 г. доля женщин в наиболее активных репродуктивных возрастах (20–39 лет) среди женщин сельского населения составляла 26,87%, в то время как в городском 30,46%. К 2024 г. доля женщин репродуктивного возраста сократилась до 21,86% в селе и 26,07% в городе.

С наибольшей скоростью сократилось число женщин в возрастной группе 20–24 года — на 46,8% в городской и 47,5% в сельской популяции, что в первую очередь связано со спадом рождаемости в 2000-х годах. В возрастной группе 30–34 года в городских образованиях наблюдается прирост численности женщин — на 24,8% (19086 человек в 2004 г. до 23828 в 2024 г.). Численность сельского населения в данной возрастной группе, напротив, сократилась на 5% и составила 8884 женщины к 1 января 2024 года.

В целом за последние 20 лет в Амурской области величина СКР сохраняется ниже уровня, необходимого для простого замещения поколений их детьми. Значения СКР позволяют предположить, что репродуктивные намерения в сельской местности выше, чем в городской (рис. 5). Максимальные значения СКР в регионе отмечались в период 2013–2018 гг., когда интенсивность рождений была наиболее высокой, однако даже в тот период не было замещения родительских поколений детьми.

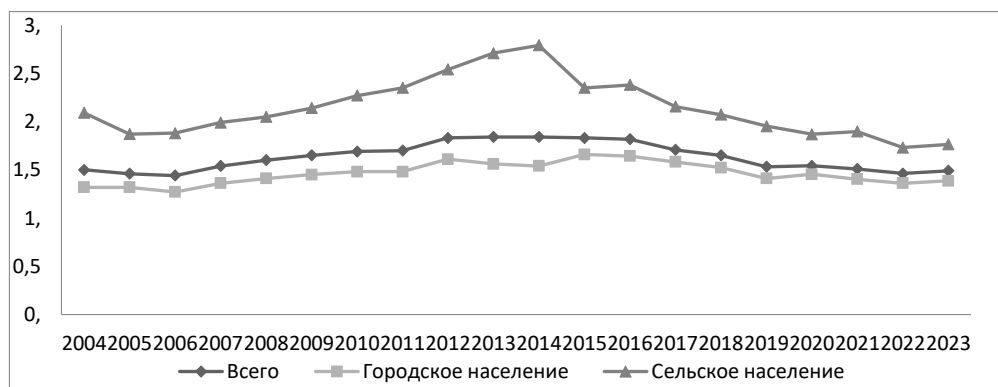

Рис. 5. Динамика СКР в Амурской области, 2004–2023 годы

Fig. 5. Dynamics of the total fertility rate in the Amur region, 2004–2023

Источник: составлено по данным Амурстата.

В 2008–2018 гг. в сельской местности значение СКР обеспечивало простое воспроизводство и даже прирост населения. После 2019 г. рождаемость женщин, проживающих на селе, стала снижаться и достигла значения 1,76 в 2023 году. Суммарная рождаемость горожанок за весь период была ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства, и никогда не достигала уровня 2,0. Поскольку рождаемость у сельского населения начала быстро снижаться после 2014 г., с 2019 г., различия между ним и городским населением сократились до небывалого ранее уровня.

Демографический прогноз для Амурской области до 2045 г. указывает на продолжение депопуляции, старение населения и миграционную убыль. Согласно среднему варианту прогноза, население Амур-

ской области будет неуклонно снижаться. Также сохранится отрицательный естественный прирост, однако разрыв в числе умерших и родившихся будет сокращаться. Миграция остаётся одним из ключевых факторов сокращения населения области. В прогнозе заложена устойчивая миграционная убыль, которая, тем не менее, будет снижаться к 2045 году. СКР увеличивается, но остаётся ниже уровня простого воспроизводства. Негативной тенденцией также является увеличение доли пожилых при сокращении трудоспособного населения и детей, что ведёт к росту демографической нагрузки. (табл. 5).

Несмотря на то, что Амурская область лидирует на Дальнем Востоке по росту ВРП, по мере экономического роста не происходит снижение неравенства и бедности.

Таблица 5

**Данные прогноза основных демографических показателей
в Амурской области до 2045 г., средний вариант**

Table 5

Data forecasts of the main demographic indicators in the Amur region until 2045, average option

Показатель	Абсолютное значение		Темп роста/убыли в %
	2026	2045	2026/2045
Численность населения	736650	656327	-12,24
Население моложе трудоспособного возраста	141682	117267	-20,82
Население трудоспособного возраста	449046	406223	-10,54
Население старше трудоспособного возраста	145922	132837	-9,85
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	69,68	75,20	7,34
Суммарный коэффициент рождаемости	1,392	1,690	17,63
Миграционный прирост (убыль)	-2052	-1449	-41,61
Естественный прирост	-4530	-72	-6191,67

Источник: составлено по данным Амурстата.

Таблица 6

Динамика коэффициентов фондов и Джинни в Амурской области (2004-2024 гг.)

Table 6

Dynamics of the fund coefficient and the Gini coefficient in the Amur region (2004-2024).

Коэффициент	2004	2007	2010	2014	2017	2020	2021	2022	2023	2024
Фондов	9,4	11,3	11,3	12,8	13,3	13,6	13,6	14,4	14,6	14,6
Джинни	0,341	0,368	0,367	0,385	0,391	0,394	0,394	0,401	0,403	0,403

Источник: составлено по данным Амурстата.

В настоящее время неравенство в распределении доходов населения в Амурской области продолжает расти. Так, коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) в регионе ещё в 2018 г. превысил критический (по отношению к экономическому росту) уровень, определённый Мировым банком в 0,4, и продолжает увеличиваться (табл. 6). То же можно сказать о коэффициенте фондов.

За 20 лет (2004–2024 гг.) реальные доходы населения Амурской области четыре раза опускались ниже 100% с максимальным падением 9,8% в 2023 году. Как результат этой тенденций — доля бедного населения (с доходами ниже прожиточного минимума) хотя и снизилась в области с 33,8% в 2004 г. до 11,8% в 2023 г., но оста-

ётся выше, чем в среднем по России (17,6% и 8,5% соответственно). Это выступает негативным фактором, приводящим к оттоку населения из региона. В таких условиях социально-экономического развития Амурская область будет продолжать терять население, а демографический кризис будет усиливаться.

Заключение

Проведённый комплексный анализ демографического развития Амурской области за период 2004–2024 гг. выявил устойчивую тенденцию к сокращению численности населения региона, обусловленную как естественной убылью, так и миграционным оттоком. Несмотря на реализуемые меры

государственной поддержки и экономического роста, не удалось добиться существенного снижения неравенства и бедности, что продолжает стимулировать депопуляционные процессы.

В последние годы доминирующим фактором сокращения населения стала естественная убыль, при этом миграционная убыль сохраняет значительное влияние. Наиболее остро негативные демографические тенденции проявляются в сельской местности, где отмечаются более выраженные процессы роста смертности и старения населения. Сокращение численности женщин репродуктивного возраста негативно сказывается на рождаемости, а различия между городским и сельским населением по этому показателю постепенно сглаживаются. Этот процесс сохранится и в ближайшие годы, поскольку численность женщин репродуктивного возраста будет сокращаться вследствие низкой рождаемости в 1990-х годах. В условиях сокращения населения трудоспособного и младше трудоспособного возраста меры по стимулированию рождаемости в дальнейшем так и не будут приносить ожидаемых результатов. Ситуация усугубляется в связи с ростом смертности в данных возрастных группах, что негативно сказывается на демографическом потенциале.

Анализ возрастной структуры населения показал рост демографической нагрузки на трудоспособное население, что связано с увеличением доли пожилых и сокращением числа молодых жителей региона. Это влечёт за собой дополнительные социально-экономические вызовы, связанные с обеспечением достойного уровня жизни и медицинского обслуживания для стареющего населения. Рост численности самых возрастных жителей Амурской области требует увеличения акцента на развитие гериатрической медицинской помощи.

Проведённый анализ смертности выявил устойчивую тенденцию: по всем ведущим классам причин смерти показатели сельских жителей превышают городские, достигая максимального разрыва по болезням органов дыхания (87,7%) и внешним

причинам (33,1%), что может быть обусловлено низкой доступностью медицинской помощи и более высокой концентрацией поведенческих факторов риска в сельской местности. Тревогу вызывает также рост смертности детского населения в последние годы, который можно рассматривать как индикатор нарастающих структурных диспропорций в системе охраны здоровья детей.

В целом можно указать низкую вероятность достижения целевых демографических параметров, заложенных в документах стратегического характера, поэтому необходим пересмотр ожиданий относительно будущих значений ключевых демографических показателей. Прогноз до 2045 г. указывает на продолжение депопуляции, усиление процессов старения и сохранение миграционной убыли, несмотря на возможный рост суммарного коэффициента рождаемости. Для преодоления негативных тенденций необходим комплексный подход, включающий развитие социальной инфраструктуры, повышение качества жизни, формирование благоприятных условий для закрепления населения и стимулирование внутренней и внешней миграции.

Распространение коронавирусной инфекции COVID-19 усугубило ситуацию со смертностью и привело к снижению ожидаемой продолжительности жизни. Отрицательный естественный прирост в Амурской области сопровождается и миграционным оттоком, хотя его скорость снижается. В то же время, в 2023 г. наметились позитивные изменения, связанные со снижением темпов естественной и миграционной убыли населения. Для прироста продолжительности жизни в регионе необходимо сосредоточиться на мерах по снижению мужской смертности.

Полученные результаты подчёркивают важность учёта региональных особенностей при формировании и реализации демографической политики, а также необходимость межведомственного взаимодействия для обеспечения устойчивого демографического и социально-экономического развития Амурской области.

Литература и Интернет-источники

1. **Иванова, А.Е.** Подходы к оценке резервов снижения смертности в России / А.Е.Иванова // Уровень жизни населения регионов России. — 2022. — Т. 18. — № 2. — С. 177–188. DOI: 10.19181 / lsprg.2022.18.2.3; EDN: OCWSGE
2. **Великая, Н.М.** Национальный проект «Демография» и перспективы демографического роста глазами экспертного сообщества / Н.М.Великая, Г.В.Тартыгашева // Социальная политика и социология. — 2021. — Т. 20. — № 3(140). — С. 43–50. DOI: 10.17922 / 2071-3665-2021-20-3-43-50; EDN: ZKSFXE
3. **Коробейников, Е.В.** Анализ реализации региональной составляющей национально-го проекта «Демография» в Самарской области / Е.В.Коробейникова // Вестник Самарского государственного экономического университета. — 2023. — № 5(223). — С. 34–43. DOI: 10.46554 / 1993-0453-2023-5-223-34-43; EDN: UJALSM
4. **Авдеев, Ю.А.** Какой быть демографической политике России. По итогам дискуссии на Круглом столе «Пути решения демографических проблем Дальнего Востока» / Ю.А.Авдеев, Ф.С.Тумусов // Уровень жизни населения регионов России. — 2025. — Т. 21. — № 2. — С. 326–329. DOI: 10.52180 / 1999-9836_2025_21_2_12_326_329; EDN: VIXOSM
5. **Храмова, М.Н.** Межрегиональная миграция на Дальнем Востоке России и ее влияние на демографическую безопасность / М.Н.Храмова, Д.П.Зорин // ДЕМИС. Демографические исследования. — 2024. — № 4. — С. 152–164. DOI: 10.19181 / demis.2024.4.4.9; EDN: MESWLT
6. **Полянская, Е.В.** Социально-экономические градиенты и детерминанты продолжительности жизни населения на территории Дальнего Востока / Е.В.Полянская, Л.Г.Манаков // Проблемы развития территории. — 2024. — Т. 28. — № 1. — С. 115–131. DOI: 10.15838 / ptd.2024.1.12 9.8; EDN: GOLBZJ
7. **Грицко, М.А.** Демографическая динамика в Дальневосточных субъектах РФ в 2013–2022 гг. / М.А.Грицко // Регионалистика. — 2023. — Том 10. — № 4. — С. 7–28. DOI: 10.14530 / reg.2023.4.7; EDN: FDILUO
8. **Рязанцев, С.В.** Миграция в контексте развития российского Дальнего Востока / С.В.Рязанцев, Е.М.Моисеева // Вестник Российской академии наук. — 2022. — Т. 92. — № 2. — С. 150–162. DOI: 10.31857 / S0869587321030075; EDN: FDUYPD
9. **Аганбегян, А.Г.** Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов / А.Г.Аганбегян // Пространственная экономика. — 2019. — Т. 15. — № 3. — С. 165–181. DOI: 10.14530 / se.2019.3.165-181; EDN: HLQFDQ
10. **Сидоркина, З.И.** Региональные особенности демографического поведения населения Дальнего Востока России / З.И.Сидоркина // Псковский регионологический журнал. — 2021. — Т. 17. — № 3. — С. 44–57. DOI: 10.37490 / S221979310015014; EDN: REETER
11. **Минакир, П.А.** Экономическое развитие и социальная динамика на Дальнем Востоке России: сценарный прогноз / П.А.Минакир, А.Г.Исаев, С.Н.Найден // Регионалистика. — 2022. — Т. 9. — № 6. — С. 23–36. DOI: 10.14530 / reg.2022.6.23; EDN: RSOZVS
12. **Мотрич, Е.Л.** Миграция в демографическом развитии российского Дальнего Востока / Е.Л.Мотрич // Уровень жизни населения регионов России. — 2022. — Т. 18. — № 1. — С. 27–40. DOI: 10.19181 / lsprg.2022.18.1.2; EDN: SBQNTL
13. **Thompson, N.** Migration and Resettlement in Chukotka: A Research Note / N. Thompson // Eurasian Geography and Economics. — 2004. — Vol. 45. — No. 1. — P. 73–81. DOI: 10.2747 / 1538-7216.45.1.73
14. **Мотрич, Е.Л.** Демографические и миграционные процессы на Дальнем Востоке России (2019–2022 гг.) / Е.Л.Мотрич // Власть и управление на Востоке России. — 2023. — № 4(105). — С. 124–137. DOI: 10.22394 / 1818-4049-2023-105-4-124-137; EDN: NQJVJI
15. **Авдеев, Ю.А.** Демографические вызовы, или почему демографическая политика Дальнего Востока не ведёт к желаемому результату / Ю.А.Авдеев, В.Л.Ушакова // Уровень жизни населения регионов России. — 2023. — Т. 19. — № 1. — С. 9–24. DOI: 10.52180 / 1999-9836_2023_19_1_1_9_24; EDN: EBFBEГ

16. **Рыбаковский, Л.Л.** Продолжительность жизни населения Сибири и Дальнего востока в общероссийских координатах (1959–2015 гг.) / Л.Л. Рыбаковский, Н.И. Кожевникова, В.И. Савинков // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 3. — С. 4–20. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-01; EDN: YISCNZ
17. **Никулкина, И.В.** Демографическое развитие арктических регионов России в контексте концепции резильентности / И.В. Никулкина, Е.В. Романова // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 1. — С. 123–135. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-123-135; EDN: FFACHY
18. Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа в 2020 г. / под ред. О.М. Прокапало. — Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2021. — 106 с. EDN: CYBZNG
19. **Калининская, А.А.** Медико-демографическая ситуация в Амурской области как основа здоровьесбережения / А.А. Калининская, А.В. Алехнович, М.В. Кизеев, [и др.] // Комплексные проблемы сердечно-сосудистых заболеваний. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 167–176. DOI: 10.17802/2306-1278-2022-11-4-167-176; EDN: SDYNXV
20. **Полянская, Е.В.** Анализ демографических тенденций Дальневосточного региона (на примере Амурской области) / Е.В. Полянская // Проблемы развития территории. — 2023. — Т. 27. — № 3. — С. 99–112. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.7; EDN: TVZFOQ
21. **Воробьева, О.Д.** Демографическое старение населения: региональные демографические тренды / О.Д. Воробьева, А.В. Топилин, Г.В. Ниорадзе, Т.С. Хроленко // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2022. — Т. 30. — № 6. — С. 1230–1235. DOI: 10.32687/0869-866X-2022-30-6-1230-1235; EDN: SASNTX
22. **Bloom, D.** Global population aging: Facts, challenges, solutions & perspectives / D. Bloom, D. Canning, A. Lubet // Daedalus. — 2015. — Vol. 144. — No. 2. — P. 80–92. DOI: 10.1162/DAED_a_00332
23. **Колосов, В.П.** Проблемы организации и управления пульмонологической помощи населению Дальневосточного федерального округа / В.П. Колосов, Л.Г. Манаков, Е.В. Полянская // Бюллетень физиологии и патологии дыхания. — 2020. — Вып. 75. — С. 8–20. DOI: 10.36604/1998-5029-2020-75-8-20; EDN: JRSRFW

Сведения об авторе:

Полянская Елена Викторовна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Дальневосточный научный центр физиологии и патологии дыхания, Благовещенск, Россия.

Контактная информация: e-mail: polanska2011@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6260-8693; РИНЦ SPIN-код: 9921-6511.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-241-256

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF AMUR OBLAST: PROBLEMS AND PROSPECTS

Iana V. Polyanskaya

*Far Eastern Scientific Center of Physiology and Pathology of Respiration
(22 Kalinina str., Blagoveshchensk, Russia, 675000)*

E-mail: polanska2011@yandex.ru

For citation:

Polyanskaya E.V. Demographic development of Amur Oblast: problems and prospects. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 241–256. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-241-256 (in Russ.)

Abstract. The article discusses the current trends in the demographic development of Amur Oblast during active state policy on the socio-economic development of the Far Eastern Federal District over 20-year period (2004–2024). Despite the economic growth, there is no reduction in inequality and poverty, which contributes to further depopulation. There is revealed a change in the dominant factors

of population decline: in 2007–2018 the key factor was migration loss, and since 2019 natural decline has acquired a predominant significance. Analysis of the transformation of the population structure by age revealed a situation with a reduction in labor potential and an increase in the demographic burden that is connected with growth of mortality in working age. Rural population is decreasing at a faster rate than urban population, which is due to higher mortality in rural areas by all main causes of death. Aging processes are increasing both in urban and rural areas, while the depth of aging in rural areas is greater than in urban. The increase in mortality among the working-age population is also alarming. It is shown that the decline in birth rate is negatively affected by the reduction in women of the most reproductive ages. At the same time, rural population has proven to be more responsive to introduction of support measures to stimulate birth rates, as evidenced by the higher total fertility rate. Despite the fact that birth rates have traditionally been more intense in rural areas than in urban areas, the differences in birth rates between urban and rural populations are decreasing and the process of population reproduction is becoming more uniform.

Keywords: birth rate, death rate, demographic burden, total fertility rate, Far East, natural decline, migration decline.

References and Internet sources

1. Ivanova A.E. Podkhody k otsenke rezervov snizheniya smertnosti v Rossii [Approaches to assessing reserves to reduce mortality in Russia]. Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2022. Vol. 18. No 2. P. 177–188. DOI: 10.19181 / 1spr.2022.18.2.3 (in Russ.)
2. Velikaya N.M., Tartygasheva G.V. Natsional'nyj proyekt «Demografiya» i perspektivy demograficheskogo rosta glazami ekspertnogo soobshchestva [National project «Demography» and the prospects for demographic growth through the eyes of the expert community]. Sotsial'naya politika i sotsiologiya [Social Policy and Sociology]. 2021. Vol. 20. No. 3. P. 43–50. DOI: 10.17922 / 2071-3665-2021-20-3-43-50 (in Russ.)
3. Korobeynikova E.V. Analiz realizatsii regional'noj sostavlyayushchej natsional'nogo proyekta «Demografiya» v Samarskoj oblasti [Analysis of the implementation of the regional component of the National project «Demography» in the Samara region]. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Bulletin of Samara State University of Economics]. 2023. Vol. 5. No. 223. P. 34–43. DOI: 10.46554 / 1993-0453-2023-5-223-34-43 (in Russ.)
4. Avdeev Yu. A., Tumusov F.S. Kakoj byt' demograficheskoy politike Rossii. Po itogam diskussii na Kruglom stole «Puti resheniya demograficheskikh problem Dal'nego Vostoka» [What should be Russia's demographic policy? Based on the results of the roundtable discussion «Ways to Solve the Demographic Problems of the Far East»]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2025. Vol. 21. No. 2. P. 326–329. DOI: 10.52180 / 1999-9836_2025_21_2_12_326_329 (in Russ.)
5. Khranova M.N., Zorin D.P. Mezhregional'naya migratsiya na Dal'nem Vostoke Rossii i yeyo vliyaniye na demograficheskuyu bezopasnost [Interregional migration in the Russian Far East and its impact on demographic security]. DEMIS. Demograficheskiye issledovaniya. [DEMIS. Demographic Research]. 2024. No 4. P. 152–164. DOI: 10.19181 / demis.2024.4.4.9 EDN: MESWLT (in Russ.)
6. Polyanskaya E.V., Manakov L.G. Sotsial'no-ekonomicheskiye gradienty i determinanty prodolzhitel'nosti zhizni naseleniya na territorii Dal'nego Vostoka [Socio-economic gradients and determinants of life expectancy in the Far East]. Problemy razvitiya territorii. [Problems of Territory's Development]. 2024. Vol. 28. No. 1. P. 115–131. DOI: 10.15838 / ptd.2024.1.129.8 (in Russ.)
7. Gritsko M.A. Demograficheskaya dinamika v Dal'nevostochnykh sub'yektakh RF v 2013–2022 gg. [Demographic dynamics in the Far Eastern subjects of the Russian Federation in 2013–2022]. Regionalistika. [Regionalistica]. 2023. Vol. 4. No. 10. P. 7–28. DOI: 10.14530 / reg.2023.4.7 (in Russ.)
8. Ryazantsev S.V., Moiseeva E.M. Migration in the context of the demographic development of the Russian Far East. Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92. No. 2. P. 150–162. DOI: 10.31857 / S0869587321030075 (in Russ.)

9. Aganbegyan A.G. Razvitiye Dal'nego Vostoka: natsional'naya programma v kontekste natsional'nykh proyektov [Development of the Far East: a National Program in the context of National Projects]. *Prostranstvennaya Ekonomika. [Spatial Economics]*. 2019. Vol. 15. No. 3. P. 165–181. DOI: 10.14530 / se.2019.3.165-187 (in Russ.)
10. Sidorkina Z.I. Regional'nyye osobennosti demograficheskogo povedeniya naseleniya Dal'nego Vostoka Rossii [Regional features of demographic behavior of the population of the Russian Far East]. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal. [Pskov Journal of Regional Studies]*. 2021. Vol. 17. No. 3. P. 44–57. DOI: 10.37490 / S221979310015014 (in Russ.)
11. Minakir P.A., Isaev A.G., Naiden S.N. Ekonomicheskoye razvitiye i sotsial'naya dinamika na Dal'nem Vostoke Rossii: stsennyye prognoz [Economic development and social dynamics in the Russian Far East: Scenario Forecast]. *Regionalistika [Regionalistica]*. 2022. Vol. 9. No 6. P. 23–36. DOI: 10.14530 / reg.2022.6.23 (in Russ.)
12. Motrich E.L. Migratsiya v demograficheskom razvitii rossijskogo Dal'nego Vostoka [Migration in the demographic development of the Russian Far East]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standard of the Population in the Regions of Russia]*. 2022. Vol. 18. No. 1. P. 27–40. DOI: 10.19181 / lspr r.2022.18.1.2 (in Russ.)
13. Thompson N. Migration and resettlement in Chukotka: A Research note. *Eurasian Geography and Economics*. 2004. Vol. 45. No. 1. P. 73–81. DOI: 10.2747 / 1538-7216.45.1.73
14. Motrich E.L. Demograficheskiye i migratsionnyye protsessy na Dal'nem Vostoke Rossii (2019–2022 gg.) [Demographic and migration processes in the Russian Far East (2019–2022)]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Power and Administration in the East of Russia]*. 2023. No. 4(105). P. 124–137. (in Russ.)
15. Avdeev Yu. A., Ushakova V.L. Demograficheskiye vyzovy, ili pochemu demograficheskaya politika Dal'nego Vostoka ne vedyt k zhelaemomu rezul'tatu [Demographic challenges, or why the demographic policy of the Far East does not lead to the desired result]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2023. Vol. 19. No. 1. P. 9–24. DOI: 10.52180 / 1999-9836_2023_19_1_1_9_24 (in Russ.)
16. Rybakovsky L.L., Kozhevnikov N.I., Savinkov V.I. Prodolzhitel'nost' zhizni naseleniya Sibiri i Dal'nego vostoka v obshcherossijskikh koordinatakh (1959–2015 gg.) [Life expectancy of the population of Siberia and the Far East in Russian national coordinates (1959–2015)]. *Narodonaselenie [Population]*. 2018. Vol. 21. No. 3. P. 4–20. DOI: 10.26653 / 1561-7785-2018-21-3-01 (in Russ.)
17. Nikulkina I.V., Romanova E.V. Demograficheskoye razvitiye arkticheskikh regionov Rossii v kontekste kontseptsii rezil'entnosti [Demographic development of the Arctic regions of Russia in the context of resilience concept]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No 1. P. 123–135. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-1-123-135 (in Russ.)
18. Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga v 2020 g. [Socio-Economic Development of the Far East Federal District in 2020]. Analytical Report. Ed. O.A. Prokapalo. Khabarovsk. 2021. P. 106. (in Russ.)
19. Kalininskaya A.A., Alekhovich A.V., Kizeev M.V., et.al. Mediko-demograficheskaya situatsiya v Amurskoj oblasti kak osnova zdorov'yesberezeniya. [Medical and demographic situation in the Amur region as the basis of health preservation]. *Kompleksnyye problemy serdechno-sosudistyykh zabolevanij. [Complex Issues of Cardiovascular Diseases]*. 2022. Vol. 11. No. 4. P. 167–176. DOI: 10.17802 / 2306-1278-2022-11-4-167-176 (in Russ.)
20. Polyanskaya E.V. Analiz demograficheskikh tendentsij Dal'nevostochnogo regiona (na primere Amurskoj oblasti) [Analysis of demographic trends in the Far Eastern region (on the example of the Amur Oblast)]. *Problemy razvitiya territorii. [Problems of Territory's Development]*. 2023. Vol. 27. No. 3. P. 99–112. DOI: 10.15838 / ptd.2023.3.125.7 (in Russ.)
21. Vorobyova O.D., Topilin A.V., Nioradze G.V., Khrolenko T.S. Demograficheskoye starenie naseleniya: regional'nyye demograficheskiye trendy [The demographic aging of population: regional trends in Russia]. *Problemy sotsial'noj gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2022. Vol. 30. No. 6. P. 1230–1235. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2022-30-6-1230-1235 (in Russ.)

22. Bloom D, Canning D, Lubet A. Global population aging: Facts, challenges, solutions and perspectives. *Daedalus*. 2015. Vol. 144. No. 2. P. 80–92. DOI: 10.1162 / DAED_a_00332
23. Kolosov V.P., Manakov L.G., Polyanskaya E.V. Problemy organizatsii i upravleniya pul'monologicheskoy pomoshchi naseleniyu Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga [Problems of the organization and management of the pulmonological care to the population of the Far Eastern Federal District]. *Bulleten' fiziologii i patologii dyhaniya. [Bulletin Physiology and Pathology of Respiration]*. 2020. No. 75. P. 8–20. DOI: 10.36604 / 1998-5029-2020-75-8-20 (in Russ.)

Information about the author:

Polyanskaya Elena Viktorovna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Far Eastern Scientific Center of Physiology and Pathology of Respiration, Blagoveshchensk, Russia.

Contact information: e-mail: polanska2011@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6260-8693; Elibrary SPIN-code: 73161042

Статья поступила в редакцию 11.07.2025, утверждена 15.05.2026, опубликована 30.06.2026.